

ТАТА
КИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УПАЛ,
ОТДАЛСЯ!

Тата Кит

Упал, отдался!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67617776

SelfPub; 2022

Аннотация

Я затеяла опасную игру с сыном одного влиятельного человека. Просто потому, что в какой-то момент мне показалось это забавным. Да и какой женщине могут быть не по вкусу ухаживания молодого парня? Но игра зашла слишком далеко. И, кажется, я не хочу ее останавливать...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Ренат	4
Глава 2. Виктория	22
Глава 3. Ренат	38
Глава 4. Ренат	50
Глава 5. Виктория	57
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Тата Кит

Упал, отдался!

Глава 1. Ренат

– Поссать хоть дай! – ладонью ударил по прутьям решетки.

– Потерпишь, – бросил мне чувак с поношенным на чьей-то заднице лицом.

– Проводи до сортира. Будь человеком!

Ссать мне не хотелось, но докопаться до полиция – было святым. Тем более, взяли они меня на кураже, который до сих пор не выветрился.

– Если бы час назад спал как все нормальные люди в это время дома, то сейчас мог спокойно поссать в свою кроватку. А теперь терпи и жди допроса, – гавкнул всё тот же бульдог из своей будки, которая тоже была огорожена решеткой, но его решетка была вип, ибо имела надпись «дежурная часть».

– Ну, минзурку хоть дай какую-нибудь. Клапан ща лопнет, – продолжал я притворно ныть, просто ради того, чтобы достать бульдога, а еще для того, чтобы скоротать время до приезда отца или его адвокатов.

– Задрал, – сдался мужик и с большим усилием оторвал свой огромный зад от стула. Вышел из своей будки с ка-

кой-то черной шутовщиной в руке и просунул мне ее между прутьями решетки. – На.

– Это что? Карандашница? Дай хоть кружку. Не влезет же.

– Ты дома в унитаз ссышь, присунув ему? Меткайся.

– А ты дома ссышь в кроватку? Или как там нормальные люди, по-твоему, делают?

Судя по побагровевшему лицу полиция, мой подъёб был засчитан и слишком близко принят к сердцу.

– Обсос пиндосный! – рыкнул он, обдав меня запахом чеснока, и, просунув вторую руку между прутьями, поймал меня за грудки косухи. – Ты за языком следи, пока его тебе не укоротили. Скажи спасибо своему бате: если бы не его подачки нашему начальству, твою жопу давно бы уже продырявили в какой-нибудь тюрьме.

– Так и знал, что тебе мой зад приглянулся, – подмигнул ему и игриво щелкнул кончиком пальца по краю густых усов. – Шалун.

– Пидор напмаженный! – полицейай с силой дернул меня на решетку к свекольно-красному лицу, готовому вот-вот лопнуть от ярости его разрывающей.

– Ментовской произвол! – завопил я, откровенно над ним насмехаясь.

– Я тебе... – потянулся он к дубинке на поясе.

– Разошлись! Оба! – прозвенел ровный женский голос среди бетона и металла. Будто кто-то просыпал кусочки льда. – Агапов, в будку!

– Пха! – не удержался я. – Слышал? Не только я тебя псом считаю. Место, Агапов!

– Горгона, чтоб её... – буркнул себе под нос Агапов и выпустил меня из своей хватки, не забыв напоследок толкнуть вглубь клетки прямо на спящего бомжа.

– Ради чего меня вызвали? – командирским и весьма раздраженным тоном плевалась госпожа ментовки.

В полумраке коридора был виден только её силуэт.

– Сынка Вяземского взяли, – махнул в мою сторону уса-
тый.

– А Митрохин этим заняться не мог? – стук каблуков по бетонному полу стремительно приближался. Тонкая фигурка в пальто и сапогах на высоком каблуке подошла к окну «дежурки», взяла протянутую Агаповым папку с моим делом и недовольно её пролистала.

Затаился, приготовившись услышать восхищение своим деянием, но её лицо не выразила ровным счётом ничего. Теперь понятно, почему Агапов назвал её Горгоной. Такая и взглядом в камень может превратить.

Судя по пучку на голове и наглаженной белой блузке в четыре ночи, торчащей из-под ворота пальто, хуй эта дамочка последний раз видела только нарисованным мелом на заборе. А последний мужик в её жизни был обведен тем же мелом на асфальте.

Сука! Почему не Митрохин сегодня в отделении со своей вечно готовой принять взятку лапой?

– У Митрохина, то ли жена родила, то ли любовница, – пояснил Агапов. – Короче, прячется бухой от обеих.

Стерва в пальто никак не прокомментировала его слова. Даже не посмотрев в мою сторону, крутанулась на каблуках и постучала ими по длинному коридору, бросив через плечо.

– В мой кабинет его.

– Есть, – вяло отозвался бульдог с усами и, кажется, с трудом удержался от того, чтобы показать этой дамочке пару фактов. – Слышал, придурок? Готовь жопу.

– Вообще-то, она сказала отвести меня в её кабинет, а не в твой, шалун.

– Заткнись. Руки.

На запястьях сомкнулись «браслеты». Подхватив под локоть, Агапов передал меня какому-то зеленому пацану в кепке, которую тот донашивал за кем-то у кого башка была побольше.

Пройдя по тому же длинному коридору, мы оказались у кабинета следователя Ветровой В. К., в который меня завели и грубо прижали жопой к стулу. Полицай встал рядом, покорно поджав хвост перед стервой в белой блузке. Майор. Ей тридцать-то есть?

Она старше меня – точно. Но на сколько лет?

– Свободен, – бросила она ему, не удостоив и взглядом.

Дверь за пацаном закрылась. В кабинете остались только я и сучка с каменным лицом, на котором было написано жесткое намерение поймать меня от всей души за то, что её вы-

дернули ночью из компании в сорок кошек.

Швырнув папку с моим делом на стол, Ветрова отодвинула для себя стул и села напротив меня.

Тонкие наманикюренные пальчики пошелестели листами. Лицо, не выражающее эмоций, уставилось в материалы дела.

– Просто скажи, что я ахуителен, – самоуверенно закинул ступню одной своей ноги на колено другой.

Взгляд синих глаз резко впился в мое лицо. В солнечном сплетении неожиданно кольнуло, в желудок упал тяжелый камень. Если в этом кабинете и было что-то ахуительное, то это её взгляд.

Широко распахнутые синие глаза в контрасте с волосами цвета вороного крыла смотрели в самую душу и приставляли к её горлу нож.

– Тебя когда-нибудь имели на этом столе? – спросил я раньше, чем успел подумать, и потерял взгляд синеглазки.

Она снова уставилась в моё дело.

Сука.

– Со мной не хочешь поговорить? Допросить с пристрастием? Со страстью? – продолжал я свой трёп.

В молчании с ней, отчего-то, становилось неловко.

– Не имею привычки разговаривать с пустым местом, – произнесла она холодно, даже не подняв на меня взгляд. – Сейчас приедет твой папочка, которому ты, наверняка, уже позвонил. Вот с ним я и поговорю.

Солнечное сплетение теперь не просто кольнуло, а в него

прилетело пяткой с острым каблуком.

Стерва в блузке только что поимела меня, не шевельнув и пальцем.

Но, при всей своей сучье внешности и повадкам кобры, она была права – батя я уже позвонил. Скорее всего, он уже едет сюда или отправил за мной кого-то из своих людей. Нет. Он обязан приехать лично, чтобы наглядно показать, какой он заебатый отец, кинуть кому-нибудь на лапу налик и увезти меня домой, чтобы поставить в угол на горox.

Хреновая репутация отцу, который метит на пост мэра города, не нужна. Поэтому вряд ли он откажет себе в личном приезде и показательной порке с параллельной ей заискиванием с высокопоставленными чинами.

А эта сука, которая намеренно меня игнорирует, просто ждёт, когда приедет кошелек побольше, чтобы можно было хорошенько его поиметь. Сомневаюсь, что майорские погоны и личный кабинет в таком возрасте она заработала честным путем. Без папика-спонсора здесь точно не обошлось. Такие рыбки знают, на какой «крючок» нужно насадиться и насколько глубоко заглотить «червя».

– Сколько тебе лет? – всё же решил я спросить.

И снова на её лице не дрогнул ни один мускул.

– Ах, да! – хохотнул я, скрывая раздражение. – Пустое место. Ну-ну.

Нервно откинулся на спинку скрипучего стула и уставился в потолок. Колено решило начать жить своей жизнью и

импульсивно задергалось.

Чёрт! Да я психую! Она почти нихрена не сказала и не сделала, а я чувствую себя брошенным на скамейку штрафников из-за предвзятого суждения.

Время тянулось необъяснимо медленно. Смотреть на обшарпанный потолок мне надоело уже через минуту.

Опустил голову и снова посмотрел на стерву напротив. Дочитав историю моих ночных «подвигов», она закрыла папку и отодвинула её на угол стола. Тоже откинулась на спинку стула, уставилась в окно, скрестила руки под грудью. Пышной, сука, грудью. В вырезе блузки отчетливо виднелась манящая впадинка. Нарочито медленно и даже с наслаждением повел взглядом выше. Мысленно прикинул как проведу зубами по острым ключицам, пройду язык по тонкой длинной шее и пульсирующей венке на ней. Обхватчу пальцами горло, разрывающееся от стонов, и, наконец, вопьюсь в сочные губки, которые она только что едва заметно облизала.

– Кончил? – шевельнулись её губки, а мой взгляд сам собой метнулся к большим глазам с искрящими в них синими молниями.

– Нет. Но в джинсах стало заметно тесно. Проверишь? Уголок её губ едва заметно дрогнул в улыбке. Самообладания этой суке не занимать.

– Проверить, сколько ты навалил? Нет уж, спасибо, – её тоном можно выносить смертные приговоры.

Снежная Королева, блять.

– Странное у тебя представление о мужиках, девочка, – произнес я, подавшись чуть вперед. Синие глаза слегка сузились. Либо ей не понравилось, что мой фэйс стал ближе, либо обращение «девочка» ей точно не по вкусу. – То я кончил, всего лишь увидев твои сиськи. Зачетные, кстати, сиськи. То навалил, причем, под себя. Не пробовала найти пропихивателя к звёздам без седины?

– Забавно, – теперь и она подалась вперед, оперевшись всё еще скрещенными руками о стол. Грудь при таком фокусе стала еще более аппетитной. Высокомерный взгляд застыл на моем лице. – И всё это говорит мне мальчик, за которым сейчас приедет седой папа.

«Мальчик» было брошено намерено небрежно. Значит, обращение «девочка» ей точно не по вкусу.

Буду знать...

Едва открыл рот, чтобы сказать то, что её точно выбесит, как тишину между нами разорвал звонок. Похоже, её мобильник звенел где-то в стороне от меня нейтральной мелодией.

Быстро потеряв ко мне интерес, стерва вышла из-за стола и прошла мимо, покачивая сочными бедрами в черной юбке-карандаш. Шлейф цветочного аромата с арктически холодными нотками словно подразнил меня, заставляя проследить за ней взглядом и увидеть, как она достала из кармана пальто телефон и сразу прижала его к уху, отвернувшись от

меня к окну.

– Да, малыш...

Откровенно охренел, услышав, насколько стерва может ласково разговаривать.

И... малыш? Какого хрена?!

Эй! А я? У меня тут чувства, может, созрели, а малыш не я?

– Как ты? Всё хорошо? – удивляла стерва нежностью голоса, обращенного не мне.

Одолеваемый любопытством, неслышно поднялся со стула и стал медленно приближаться к точенной фигурке, глядящей в темное окно.

– Поспи. Я скоро закончу и приеду, – продолжала она бормотать. Затем, кажется, перестала дышать и почти сразу шумно выдохнула.

Сделал ещё несколько шагов, планирую нагло нарушить её личные границы. И плевать, что прямо сейчас я арестант в наручниках. Разве можно назвать преступлением – вдохнуть запах волос и шеи знойной стервы? Меня оправдают по всем статьям.

– Нет. Не трогай, – голос стал на несколько градусов холоднее. Это она мне? Заметила, что я обнаглел? – Пусть стоит, если встал. Не трогай его и не надо ничем натирать. Скоро приеду.

Я даже забыл, зачем шёл к ней, застыв в сантиметрах десяти от нее.

«Пусть стоит, если встал»? «Не надо натирать»? «Скоро приеду»?

Её выдернули из какой-то тусовки свингеров? Это поэтому она такая недовольная – там стоит, а она не рядом? И что будет после моего освобождения? Поедет домой и с разбегу, задрав юбку, прыгнет на...

– Блять! – взревел я ослом и, сам того не осознавая, рухнул на одно колено. – Больно!

Всё произошло, как гребаная вспышка. Она отключила телефон. Замерла. Кажется, задержала дыхание и повернулась ко мне так резко, что я даже сообразить нихрена не успел. И вот, мои пальцы загнуты в обратную сторону, а сам я стою на одном колене перед стервой, готовой приставить к моей башке «калаш».

– Кто разрешил тебе встать? – цедила она сквозь стиснутые зубы, пока я корчился в муках.

– Отпусти! – еще немного и от боли закапает с конца.

В любой другой ситуации переплетение наших пальцев могло бы показаться романтическим, но не тогда, когда она вывернула мои в другую сторону и вынудила стоять на одном колене на грани пустить слезу.

– Вернулся на место, – её начальственный тон приставил дуло пистолета к виску.

– Отпусти, блять! – попытался я выпутаться, но безуспешно.

– Встал, – бросила она мне, как салаге какому-то.

– Не могу я, блять, встать, когда ты так меня нагнула, – посмотрел на нее снизу вверх, поймав себя на мысли, что ей идёт быть госпожой.

Моей госпожой, разумеется.

– Я помогу тебе, – обольстительная улыбка хладнокровной змеи коснулась её губ.

Пальцы снова прострелило болью до самого плеча, а сама стерва стала поднимать мою руку, вынуждая и меня подняться, чтобы было не так больно.

Идя на цыпочках, спиной вперед, постанывая от боли, смотрел в ее глаза, в которых читался полный контроль над ситуацией, и охреневал от того, как ловко она меня поймала одной рукой, при том, что ростом была ниже меня на полторы головы. А если снять сапожки, то и на все две.

– Ты кто, блять, такая? Мастер Шифу? – хныкал я от боли.

– Угвэй, – ответила она, не замешкавшись и, как обычно, не улыбнувшись. – Сел.

Ног коснулся стул, на который я прижопился, и только после этого стерва разжала пальчики и плавной походкой вернулась за свой стол, снова сев напротив. Бросила взгляд на наручные часы и скрестила руки под грудью, уставившись в окно. Будто ничего и не было. Сама, блять, невинность.

– Твою мать! – стал я разминать ноющие пальцы. – У тебя в роду не было самок богомола?

Вопрос был проигнорирован. В общем-то, ответа я и не ждал. Зато теперь стало понятно, почему она такая злая сука

– кто-то сдернул её со стоячего и заставил заняться мной.

Эта мысль неприятно кольнула затылок. Или это всё ещё боль пальцев, превратившихся в сосиски, гуляла по затуманенному вискариком организму?

– Если немного подождёшь, то у меня тоже скоро встанет. И ехать никуда не надо.

Отлипнув от созерцания окна, стерва перевела на меня хмурый взгляд и посмотрела, как на идиота.

– Я даже юбку могу тебе сам задрать, – подмигнул ей, улыбнувшись.

Тонкая бровка дернулась вверх.

Я почувствовал себя идиотом.

– Может, хоть скажешь, как тебя зовут? – решил я сменить тактику, став немного мягче. – После того, что ты со мной сделала, ты просто обязана дать мне хоть что-то. М? Ветрова В. К.. Валентина?

Между бровками пролегла галочка.

Не угадал.

– Виолетта?

Галочка стала ещё более выразительной.

– Виктория?

Галочка пропала.

– Виктория, – удовлетворенно закивал я. – Тебе идёт. Виктория... победа. Уверен, с какого-нибудь другого языка твое имя переводиться, как straponесса или нагибщица. Так меня ещё никто не нагибал. Даже ни один мужик. Сходим

завтра куда-нибудь? То есть уже сегодня.

Она тихо фыркнула и вяло качнула головой.

– Да брось, – кокетливо повел я бровями. – Вижу же, что хочешь меня.

Вздых с жирным намеком на то, что я опять идиот.

– Во-первых, заткнись. Во-вторых, займись малолетками своего возраста, – взгляд выразительных синих глаз острым лезвием скользнул по моему лицу.

– Я только что понял, что на них у меня больше не встанет, – признался я откровенно.

– Может, оно и к лучшему? Поработаешь для разнообразия той головой, что выше пупка.

– Имеешь в виду? – активно поработал языком, демонстрирую стерве его длину и ловкость. – Я, конечно, не любитель этой хрени, но ради тебя могу попробовать.

– Идиот, – выдохнула она устало и снова отвернулась к окну.

По коридору слышались шаги. Дверь распахнулась.

– Виктория Константиновна! – торжественно объявил мой отец, входя в кабинет в сопровождении какого-то, блять, астролога, судя по количеству и величине звезд на его погонах.

– Простите моего сына, дорогуша, – елеиным тоном стал напевать отец, едва его нога переступила порог кабинета Ветровой. – Сами понимаете, он еще молод, склонен к глупостям. Со всеми такое было. Поумнеет ещё.

– Я бы не стала загадывать, – многозначительно проговорила стерва, вызвав у меня короткую усмешку. Плавнo встала со стула, поздоровавшись холодным кивком с астрологом за батиной спиной. – Полагаю, вопрос уже решен и ваше появление в моем кабинете – формальность для наработывания баллов перед предстоящим назначением.

– Майор! – рыкнул звездочет на мою стерву и сразу получил в ответ молчаливый фак.

Нет, она не сказала и не состроила говорящую фигуру из пальцев. Она просто посмотрела, безмолвно указав псу его место.

– Но-но, Гаврилов, – продолжал играть дружелюбие мой отец. – Просто девушка не в духе. Наверняка её разбудили среди ночи и заставили работать с моим нерадивым сыном.

– Я – майор полиции, если не вы не заметили, а не дорогуша, девушка или секретарша в вашей приемной. Вы пришли в мой кабинет, так имейте уважение, – а теперь мой батя получил щелчок по носу, чем лично я был бесконечно доволен. Вряд ли его кто-то ещё мог так обломать в момент, когда он лез подлизать.

– Товарищ майор, снимите наручники с сына нашего общего друга, – обманчиво доброжелательно сказал звездочет. И почти, преодолевая боль, добавил. – Пожалуйста.

– Думаю, сына нашего общего друга сам справится с ключиком, – отрезала стерва и положила передо мной на край стола небольшой ключ от наручников, который, оказывает-

ся, все это время лежал на крышке старого принтера.

Я ошибался, когда думал, что весь её гнев и раздражение были вызваны мной. Гораздо больше ненависти и даже агрессии было написано на ее лице при появлении моего бати и ее начальника-звездочета.

Желание язвить и продолжать подкалывать сменилось на желание закрыть её своей спиной от уничтожающего взгляда мужика в погонах.

Что я, собственно, и сделал, став своеобразной заслонкой, между ней и двумя пузатыми мужиками напротив.

– Классный у вас сервис, я вам скажу, – потянул я внимание на себя, выворачивая кисть так, чтобы попасть ключиком в замочную скважину. – Пять звезд вашему заведению. И поделитесь хоть одной с товарищем майором, товарищ... звездун. В вашем возрасте столько звезд – непозволительная нагрузка на плечи и позвоночник.

– Ренат, – рыкнул батя и тут же поспешил натянуть улыбочку.

– Ренат, Ренат, – закивал я, наконец, расстегнув наручники. – Ренат всем звёздам рад. Особенно майорским, – пропел я последнюю фразу и повернулся к стоящей за моей спиной Ветровой. Тот факт, что она не попыталась меня сдвинуть, лишь подтверждал мою теорию о том, что её нужно было оградить от этих двоих. Кажется, с их приходом последние алкогольные пары покинули мой организм и мозг, наконец, зашелестел шестеренками, позволив мне хоть немного сооб-

ражать. – Отличная работа, товарищ майор. Восхищен. Надеюсь, как-нибудь повторим.

Многозначительно потряс наручники и положил на край её стола вместе с ключом.

– Надеюсь, не придётся, – ответила она, нацепив на красивые губы слишком фальшивую улыбку. Взяла папку с моим делом и протянула мне. – Полагаю, это теперь ваше, Ренат.

– И что мне с этим делать? – выгнул я вопросительно бровь.

– Не знаю, – повела она узким плечиком. – То же, что и обычно. Подотрётесь им или развеете по ветру, сожжете. Уверена, вы уже знаете, что со всем этим делать.

Синие искры сверкнули в ее глазах, снова вернув мне ту полюбившуюся стерву, которой она была до появления моего бати и звездочета в ее кабинете.

– Кое-что я тебе, все-таки, оставлю, – открыл папку, вынул первую же страницу с основной информацией обо мне и положил перед ней на стол. – Тут есть мой номерок. Звони, когда наручники будут свободны или захочешь снова кого-нибудь нагнуть.

Красивые губы слегка дрогнули. Она явно сдерживала улыбку, но её глаза не умели так врать, как ротик. Лучики теплой улыбки коснулись глаз и сразу потухли, когда она снова вернула себе самообладание холодной стервы.

– Всё, Ренат, идём. Мне скоро на работу, а тебе еще перед универом нужно проспаться, – потянул меня на себя батя и

обратился к звездочету. – Ну, Гаврилов, спасибо, что приехал и выручил. Сочтёмся.

– Сочтёмся, – согласно кивнул Гаврилов и пожал протянутую батей руку. – Всего доброго.

Сам Гаврилов, похоже, уходить из кабинета Ветровой не собирался. И она это тоже понимала: расправила плечи, заострила взгляд, приготовившись, походу, к самой настоящей битве со звездуном, подлизавшим моему отцу.

– До встречи, товарищ майор, – улыбнулся я и, выходя из кабинета вслед за батей, подмигнул красавице, которая, похоже, снова безмолвно назвала меня идиотом.

Кажется, «идиот» в ее исполнении стал синонимом слова «спасибо», обращенного мне.

– Надеюсь, он уволит эту суку уже сегодня, – ворчал батя, давая отмашку своему водиле, открыть ему дверь машины.

– Не трогай её. Она делала свою работу, – произнес, я чувствуя, как весенняя прохлада улицы опутала голову, сделав её тяжелой.

Похоже, похмелье только что сказало мне «привет!».

– Осенью она пустила свои сучьи когти слишком глубоко в мои дела. Если бы не Гаврилов, то в браслетах сидел бы я.

– Так это она прикрыла твою псевдо-кухню для бездомных? – хохотнул я, вспомнив, как батя бесился, раскидывая по своему кабинету бумаги, и, матеря какую-то недотраханную суку. – Я тебе говорил, что нехрен кормить бомжей парашей, а в отчетах писать о кроватках. Так что заслужено,

бать, тебя поймали.

– Заткнись и сядь в машину, – рявкнул он недовольно.

Открыл себе заднюю дверцу бабиной тачки, швырнул папку с делом на сиденье и вдохнул полной грудью прохладный воздух. Взглядом прошёлся по зданию ментовки и задержался на окне, в котором горел свет и виднелась Ветрова, агрессивно что-то вещающая своему начальнику. Наманикюренный пальчик указал на дверь, из которой мы только что вышли, а затем уткнулся в стол, на который она опиралась ладонью другой руки.

От такой экспрессии и звездуна просто обязаны сжаться все звезды.

Глава 2. Виктория

«Со слов очевидцев...»

«Распитие алкогольных напитков в общественном месте»...

«Угон машины ДПС»...

«Громкое прослушивание музыки и танцы на крыше машины ДПС с пьяным автоинспектором со включенной сиреной и проблесковыми маячками»...

«Во время задержания играл в салочки с сотрудниками полиции, убегая от них со спящим автоинспектором на плече»...

Если у парня не задался вечер, когда он оказался задержанным, то у автоинспектора сегодня была достаточно насыщенная ночь.

М-да. Мальчик весело встретил... четверг.

Закрыла папку, отложила его дело в сторону. Знала бы, что предстоит «обслуживать» сынка Вяземского, вообще не взяла бы трубку и отключила телефон.

Скрестила руки под грудью и уставилась в окно. Теперь мне нужно было покорной дворнягой дожидаться его отца, который совершенно точно явится в мой кабинет не один и захочет прищемить мне хвост с помощью своего прихвостня и моего начальника по совместительству.

Липкое ощущение чужого взгляда вынудило повернуться

к парню и всмотреться в его черты. Играем на равных: он смотрит на меня, причем, на грудь, а я смотрю на него, но в основном на лицо и плечи. В деле указано, что ему двадцать два года, студент последнего курса. Но по факту он выглядит немного старше. Меньше двадцати пяти я бы ему точно не дала. При таком росте и телосложении, как у него, парень, должно быть, каждое утро и вечер принимает ванны из гормона роста и тестостерона.

Поднялась выше от его плеч и всмотрелась в лицо. Подбородок обрамлен короткой темной щетиной. Возможно, парень не брился дня три или около того. Уголок губ подернут в дерзкой полуулыбке. Если смотреть достаточно долго или близко, можно разглядеть на нижней губе небольшой беле-сый шрам. Нос, очевидно, сломан и неоднократно. Либо, он увлекается какими-то единоборствами, либо ему нравится биться об стены лицом.

Тёмные глаза под тенью густых черных бровей, одна из которых тоже была рассечена шрамом, плавно и с откровенным наслаждением скользили по моей шее выше. Похоже, характерный блядский прищур золотым мальчикам выдается при рождении вместе с мешком борзости и пустой чашей, в которой должно быть уважение к другим людям.

Черные волосы с модной стрижкой слегка взлохмачены, но всё равно даже в таком виде его можно прямо сейчас за-кинуть на съемки рекламы шампуня.

Яркий представитель тех самцов, что разбивают девичьи

сердца пачками, а их жизненный широкий путь выстлан из осколков тех, кто верил, что будет его единственной.

В целом, симпатичный мальчик. На зоне его петушили бы сутками. Если, конечно, смогли бы нагнуть.

– Кончил? – спросила я, заметив, как его внимание задержалось на моих губах.

Если он начал фантазировать о том, как я ему отсасываю, то я его похороню прямо под тем стулом, на котором он сидит.

– Нет. Но в джинсах стало заметно тесно. Проверишь? Ясно.

– Проверить, сколько ты навалил? Нет уж, спасибо.

– Странное у тебя представление о мужиках, девочка, – сказал он, подавшись вперед. Ненавижу, когда меня называют «девочкой». Когда служишь в мужском коллективе, никто, из тех, кто старше, не воспринимает тебя всерьёз. И слово «девочка» в обращении – раздражающая не редкость. – То я кончил, всего лишь увидев твои сиськи. Зачетные, кстати, сиськи. То навалил, причем, под себя. Не пробовала найти пропихивателя к звёздам без седины?

– Забавно, – усмехнулась я и тоже подалась вперед, оперевшись локтями о стол. Взгляд парня на мгновение упал мне в декольте, в котором что-то можно было разглядеть, только имея очень богатую фантазию. – И всё это говорит мне мальчик, за которым сейчас приедет седой папа.

Тень недовольства скользнула по его лицу, но быстро ис-

чезла, когда он приоткрыл рот, чтобы, очевидно, опять что-то ляпнуть.

К счастью, звонок моего телефона избавил меня от очередных нахальных острот юнца напротив.

Прервала контакт глаз и встала со стула. Быстро подошла к вешалке с пальто, достала из кармана телефон и, увидев, что звонит сын, ощутила, как волна беспокойства накрыла меня с головой.

– Да, малыш.

Тяжелый вздох сына, который за последние дни слишком очевидно устал от мамских нежностей.

– Мам, я не малыш, – произнес он, наконец, осипшим голосом. Горлу легче так и не стало.

Виновато поджала губы, представив его по-взрослому строгий взгляд. Обычно я к нему так не обращаюсь, но, когда он болеет, какие-то механизмы в моей голове автоматически переключаются в режим повышенных утипутей.

– Как ты? Всё хорошо? – попыталась я сгладить небольшой острый угол в только что начавшемся диалоге.

– Нормально. Только из-за горла пить постоянно хочется. Даже лекарства не помогают.

Вот и погулял с пацанами на большой горке, при скате с которой потерял шапку и страх.

– Поспи. Я скоро закончу и приеду.

– Я бы поспал. Но бабушка хочет натереть меня уксусом. А у меня даже температуры нет...

– Всё у него есть! – послышался голос моей мамы. – Дай мне трубку, Саша.

– На, блин, – буркнул недовольно сын.

За шуршанием сразу послышался мамин голос.

– Его нужно натереть, Вика. У него лоб горячий.

– Нет. Не трогай, – я пыталась казаться мягче, но стерва во мне снова рвалась наружу.

– Как не трогай?! – недоумевала мама, которая, наверняка, вытащила из своего шкафа весь арсенал народной медицины, едва я вышла из квартиры. – Вот он встал и стоит весь красный, раскаленный. Хоть яичницу на нём жарь.

– Пусть стоит, если встал. Не трогай его и не надо ничем натирать. Скоро приеду, – отчеканила я, заметив в темном отражении окна, как парень приближался ко мне сзади.

Я не знаю о его намерениях, не знаю, что творится в его голове, находящейся почти в двух метрах от пола (рост парня, на секундочку, почти метр девяносто), но я точно знаю, что для того, чтобы у меня были хоть какие-то шансы надрать ему зад, атаковать я должна первой. Силу элемента неожиданности недооценивать нельзя.

Крутанулась на месте, безошибочно схватила его за пальцы, переплела со своими и резко надавила так, чтобы его пальцы оказались вывернуты в обратную сторону.

Ненавижу этот прием, но стоя на каблуках напротив скалы, понимаешь, что все средства в войне с ней хороши.

– Блять! – упал парень на колени и посмотрел на меня

шокированно-молящими глазами. – Больно!

– Кто разрешил тебе встать?

Кровь, гонимая волной страха и адреналина, шумела в ушах.

– Отпусти! – почти хныкал он.

Если бы не наручники на его запястьях, то он уже мог бы мне дать по уху свободной рукой.

– Вернулся на место.

– Отпусти, блять, – вяло дернулся парень.

– Встал.

– Не могу я, блять, встать, когда ты так меня нагнула.

Он даже в таком незавидном положении умудряется кокетничать?

Горбатого исправит только... не я.

– Я помогу тебе.

Почему бы ему не подыграть? Один хрен скоро весь этот цирк очень скоро закончится для нас обоих. Надеюсь, для меня он закончится уже сегодня.

Нехитрыми манипуляциями всё теми же пальцами помогла парню встать и подтолкнула в сторону стула, с которого он, какого-то черта, встал.

– Ты кто, блять, такая? Мастер Шифу?

Внутренне усмехнулась. Как раз сегодня (или уже вчера) смотрели с сыном этот мультик.

Шифу? Для тебя, мальчик, я, скорее, старая мудрая черепаха, нежели мелкий зверек с большими ушами.

– Угвэй. Сел.

Усадив его на стул, сама вернулась на свой. Положила телефон на полку в столе и снова уставилась в окно, скрестив руки под грудью.

Ничего не видно, но, в любом случае, лучше смотреть в тьму за окном, нежели в тьму в глазах парня напротив.

– Твою мать! – хныкал он тем временем. Продолжая меня раздражать. – У тебя в роду не было самок богомола? – затем, побряхтев, добавил. – Если немного подождёшь, то у меня тоже скоро встанет. И ехать никуда не надо.

Какой же идиот, боже...

– Я даже юбку могу тебе сам задрать, – подмигнул мне наглец.

Кто бы сомневался.

– Может, хоть скажешь, как тебя зовут? – сменил он интонацию, вероятно, решив стать дипломатом, раз альфачом быть не вышло. – После того, что ты со мной сделала, ты просто обязана дать мне хоть что-то. М? Ветрова В. К.. Валентина?

Ненавижу это имя.

– Виолетта?

Второе имя в рейтинге ненависти.

– Виктория?

Угадал.

– Виктория, – заулыбался, как победитель. – Тебе идёт. Виктория... победа. Уверен, с какого-нибудь другого языка

твое имя переводиться, как страпонесса или нагибщица. Так меня ещё никто не нагибал. Даже ни один мужик. Сходим завтра куда-нибудь? То есть уже сегодня.

А вот и вернулся старый добрый Ренат минутной давности.

– Да брось, – мурлыкал он по ту сторону стола, похоже, решив, что я растаяла. – Вижу же, что хочешь меня.

– Во-первых, заткнись. Во-вторых, займись малолетками своего возраста.

Не указать на пропасть между нами было бы большим упущением.

– Я только что понял, что на них у меня больше не встанет. Ну, конечно...

– Может, оно и к лучшему? Поработаешь для разнообразия той головой, что выше пупка.

– Имеешь в виду? – длинный и проворный язык выскочил из его рта и затрепыхался как тряпка на ветру. Неплохо. – Я, конечно, не любитель этой хрени, но ради тебя могу попробовать.

– Идиот, – его общество начинало утомлять.

Вновь уставилась в окно, надеясь на то, что совсем скоро этот пустой разговор будет окончен.

Распахнулась дверь и в мой кабинет с сальной улыбочкой вошёл Вяземский старший в компании Гаврилова, который одним взглядом пытался мне приказать, держать язык за зубами.

Всё ясно. Сейчас я в очередной раз стану свидетелем того, как два взрослых пузатых, с позволения сказать, мужика будут проявлять чудеса гимнастики, стараясь извернуться в максимально удобную позу для подлизывания задниц друг друга.

Только сегодня к ним присоединится еще и сынок.

Боже, дай мне уйти прямо сейчас, пока я не начала блевать глазами.

– Виктория Константиновна! – пропел Вяземский так, словно это не он буквально этой осенью косвенно угрожал мне и моей семье, если я не «высуну свой остренький носик» из его дел. – Простите моего сына, дорогуша...

Дорогуша...

Кажется, Вяземский старший любит плясать на граблях, но при условии, что с другой стороны их придерживает его друг Гаврилов.

– Сами понимаете, он еще молод, склонен к глупостям. Со всеми такое было. Поумнеет ещё.

– Я бы не стала загадывать, – хмыкнула я и встала, взяв в руки папку пацана. – Полагаю, вопрос уже решен и ваше появление в моем кабинете – формальность для наработки баллов перед предстоящим назначением.

– Майор! – полковник «ненавязчиво» решил напомнить, кто здесь власть и тут же получил от меня невербальный намек на то, что я и так сдерживаюсь из последних сил.

Если он не хочет, чтобы я раздула конфликт с местным

толстосумом в четыре часа ночи, то и ему лучше тоже сбавить градус.

– Но-но, Гаврилов, – похлопал его по плечу Вяземский старший, который не был дураком и прекрасно знал, что нас могут слушать, а со мной, «бешеной сукой», по его утверждению, лучше вообще не связываться. – Просто девушка не в духе. Наверняка её разбудили среди ночи и заставили работать с моим нерадивым сыном.

Твою мать, Вяземский! А так хороша начал...

– Я – майор полиции, если не вы не заметили, а не дорогуша, девушка или секретарша в вашей приемной. Вы пришли в мой кабинет, так что имейте уважение.

– Товарищ майор, снимите наручники с сына нашего общего друга, – открыл рот полковник, пока Вяземский старший обтекал, а младший сидел и лыбился. – Пожалуйста.

– Думаю, сына нашего общего друга сам справится с ключиком, – демонстративно положила перед его сыном ключ.

Сам в наручники влез – пусть сам из них и выбирается.

Вероятно, почувствовав себя звездой сегодняшнего вечера, Вяземский младший решил встать между нами и перетянуть всё внимание на себя. Вальжной походочкой встал между мной и мужчинами, тем самым перетянув всё внимание на себя красивого. Хотела было возмутиться, но поняла, что так даже к лучшему. Пусть стоит, мальчик. А я хоть немного передохну и наберусь сил перед основной схваткой, которая состоится с полковником сразу после того, как дверь

моего кабинета закроется за Вяземскими.

– Классный у вас сервис, я вам скажу. Пять звезд вашему заведению. И поделитесь хоть одной с товарищем майором, товарищ... звездун. В вашем возрасте столько звезд – непозволительная нагрузка на плечи и позвоночник.

– Ренат, – его отец едва удерживал себя в рамках.

Но мальчику, судя по всему, на все эти выпады было плевать.

– Ренат, Ренат, – ответил он нараспев и повернулся ко мне, снова подарив свою нахальную ухмылочку. – Ренат всем звёздам рад. Особенно майорским. Отличная работа, товарищ майор. Восхищен. Надеюсь, как-нибудь повторим.

Расстегнутые наручники оказались на краю моего стола вместе с ключом.

– Надеюсь, не придётся, – в роли вежливой официантки с пластиковой улыбкой, протянула ему папку с его делом и протоколом задержания. – Полагаю, это теперь ваше, Ренат.

– И что мне с этим делать?

– Не знаю, – повела плечами. – То же, что и обычно. Подотрётесь им или развеете по ветру, сожжете. Уверена, вы уже знаете, что со всем этим делать.

– Кое-что я тебе, все-таки, оставляю, – произнес парень таинственно и выложил на мой стол страницу из папки. – Тут есть мой номерок. Звони, когда наручники будут свободны или захочешь снова кого-нибудь нагнуть.

И, всё-таки, горбатого исправит... не я.

Кому что, а парень с растущим отростком не перестает тянуться к влаге.

Задержала внимание на его темных глазах глубокого карего цвета. Моя мама назвала бы такие глаза смородинами, хотя такое сравнение было бы больше применимо к миловидной девчущке, нежели к парню под два метра ростом. Но, с другой стороны, ресницы у него вполне себе девчачьи: длинные и будто даже подкрученные.

– Всё, Ренат, идём. Мне скоро на работу, а тебе еще перед универом нужно проспаться, – прервал наши переглядки Вяземский старший и поволок сына за собой. – Ну, Гаврилов, спасибо, что приехал и выручил. Сочтёмся.

– Сочтёмся. Всего доброго.

С тошнотой, подступившей к горлу, перетерпела их почти братское рукопожатие. Два кабана нализали друг другу задницы, а затем из них прихватил с собой молодого павлина.

По напряженному лицу полковника я понимала, что сейчас меня отшлёпают. Не в прямом смысле, конечно, но приятного в этом тоже нет.

– До встречи, товарищ майор, – как змей-искуситель проговорил уходящий Вяземский младший и подмигнул мне.

С трудом удержалась от закатывания глаз.

Иди, мальчик, в свои беззаботные ясельки и не мешай взрослой тётя срать с ещё более взрослым дядей.

Дверь за Вяземскими закрылась. Интуитивно почувствовала, как полковник втянул живот и напряг зад, чтобы начать

на меня кричать.

Чтобы занять руки, взяла со стола листок с контактами Рената, смяла его и бросила в мусорную корзину под столом.

– Твою мать, Ветрова! – начал Гаврилов, почти мгновенно покраснев. – Какого хрена сразу его не отпустила? Мало тебе было проблем с Вяземским в прошлом году?

– То был старший, а это младшенький. Разнообразие, – расслабленно махнула рукой в воздухе, вполне уверенно выдержав прямой взгляд его поросячьих глазок.

– Ветрова, – выдохнул он отчаянно тяжело и, кажется, попросил помощи у Бога, возведя взгляд к потолку. – Неужели так трудно держать язык за зубами? От тебя требовалось только сдать младшего на руки и помалкивать, пока его папашка не вышел.

– Да? – удивилась я наигранно и даже приоткрыла рот и приложила ладонь к груди. – Надо же, товарищ полковник, я думала, что я тут закон охраняю, а я, оказывается, просто должна была немного поразвлекать мальчишку, пока его папа к нам ехал. Ну, надо же! Если бы я только знала... – оперлась ладонями о стол и пристально посмотрела в глаза полковнику. – А сию ему надо давать? Ну, это я так, на будущее.

– Ветрова! – в этот раз Гаврилов несдержанно на меня прикрикнул. Еще немного и капилляры в его глазах точно полопаются. – Не забывай, кто перед тобой.

– Я прекрасно помню и знаю, кто передо мной, – процедила сквозь стиснутые зубы. – А еще я прекрасно помню, ради

чего и для чего все мы здесь собрались, Федор Игнатьевич. Но, чем выше я взбираюсь по карьерной лестнице, тем больше убеждаюсь в том, что за деньги даже закон может стать легкопродажной проституткой. Не знаю, как вы, а лично я не планировала служить проститутке. И вот такие вот ваши дружки, – указала на дверь, намекая на Вяземского и ему подобных. – Могут сделать всё, что им взбредет в голову, а потом нагнуть закон, сунув ему в пасть пачку денег.

– Ветрова, твою мать! – мужчина рывком подошёл к моему столу и тоже оперся о него ладонями. Наши разгневанные лица застыли друг напротив друга. – Не забывай и скажи спасибо, что благодаря такой гибкости закона я от тебя в прошлом году отвел Вяземского с его сворой адвокатов.

– Гибкость закона? – мои брови изумленно поползли вверх. – Вы это так называете?! Ну-ну, Федор Игнатьевич. Только смею вам напомнить, что Вяземского от себя я отвела сама, пригрозив ему, что факты о его махинациях будут преданы огласке в СМИ, если он и дальше продолжит давить не только на следствие, но и лично на меня. А вы никого ни откуда не отводили. Вы лишь карман открыли пошире, чтобы Вяземский смог в него попасть купюрами, а вы за это быстро замели следы его махинаций и заткнули мне рот. И заметьте, сделали вы это не деньгами, а пользуясь должностью и званием.

– Замолчи ты, дура! – ударил он кулаком по столу. – И выкинь нахрен из своей башки веру во всесильность закона.

Кто платит, тот и музыку заказывает. Не согласимся мы, он пойдёт выше, где найдётся кто-то еще более продажный, и тогда с нас полетят звёзды. Ты можешь брыкаться и дальше совать всем в нос свои принципы, но не забывай, что у тебя есть сын, которого ещё нужно на ноги поставить.

– Стоять в коленопреклоненной позе под тяжестью звёзд – ваш выбор, товарищ полковник, но никак не мой. Подпишите мой рапорт и не мешайте покинуть это здание так, чтобы я больше никогда в него не вернулась.

– Ветрова, – смягчился Гаврилов, уставившись виновато в стол. – Перестань разыгрывать гордыню...

– Я больше двух месяцев пытаюсь уволиться, Федор Игнатьевич. Но вы меня продолжаете держать ради хороших показателей отдела. А я уже устала разделять, кто равен перед законом, а кто равнее. Отпустите меня, – вобрала в грудь побольше воздуха. – Говоря вашим языком и языком ваших дружков, отпустите меня по-хорошему, иначе я пойду выше и вас будет ждать череда самых тщательных проверок от министерства.

Полковник резко поднял на меня взгляд, уставился в глаза. Краска отлила от его круглого лица, нижняя губа задрожала, как дамба, что с трудом сдерживала поток бранных слов, которые он, наверняка, хотел на меня обрушить.

– Чёрт с тобой! Достала! – выплюнул он едко и оттолкнулся от стола, отойдя к двери. – Сегодня же сдаешь все дела Митрохину и можешь валить на все четыре стороны.

– Угу. И мне было приятно с вами работать, товарищ полковник, – буркнула себе под нос, когда Гаврилов, хлопнув дверью, покинул мой кабинет.

Глава 3. Ренат

Башка липла к подушке чугунным слитком. С трудом заставил себя перекатиться на бок и тяжело выдохнул. Во рту творилось такое же дерьмо, что и в больной голове.

Какого хрена я решил продолжить тусовку после обезьянника? Дебил.

Приоткрыл глаза, моля о том, чтобы их не выжгло солнечным светом, бьющим из незанавешенного окна. По-любому, время уже перевалило за обед. На пары я уже не успею, а вот на тренировку нужно явится, иначе тренер сделает из моих яиц свисток, в который меня же и заставит дуть.

Медленно перевел взгляд со стены и наткнулся на брюнетку в своей постели.

Твою мать... Какого хрена она еще здесь?!

Черные волосы картинно разбросаны по подушке. Зад, не прикрытый одеялом, тоже достаточно картинно оттопырен в мою сторону и напрашивается на хороший и громкий шлепок.

Стройная красотка в моей постели – не редкость, особенно, если ночь была такая же бурная и насыщенная на события, как эта. И всё бы ничего, вот только я слышал, как эта красотка проснулась еще минут двадцать назад, сгоняла в туалет, навела там марафет и завалилась обратно ко мне в постель, оттопырив намытый зад и разложив причесанные

волосы по подушке. И, если я еще хоть минуту подышу рядом с ней, то меня точно стошнит от приторно-сладкого запаха её духов, которых она, походу, вылила на себя целый флакон.

Вообще, девушки, попадающие в мою постель, делятся на два типа: первые – такие, как эта брюнетка, каким-то чудесным образом просыпаются раньше, воссоздают на своем черепе с помощью косметики вчерашнее лицо, на которое я клюнул, и падают обратно в мою постель, ожидая горячего продолжения; вторые – тоже просыпаются раньше, но, нарисовав смазливое личико, отправляются на кухню, где, нацепив какую-нибудь из моих футболок, с помощью лопаточки и сковородки пробивают путь к моему сердцу.

Такие разные, но всех их ждёт один финал – прощание. Какой бы вариант мне не попался, в любом случае, девушку будет ждать прощание со мной. Я не обманываю. Правила игры оглашаются мной еще на берегу: секс на одну ночь. Ночь. Не больше. Наутро я могу гарантировать только такси, которое увезет ее домой, ну или прощальный секс, если девочка была достаточно хороша, а потом, все равно, такси.

Но каждая из них наступает на одни и те же грабли, которые я все никак не могу найти в своей квартире, чтобы, наконец, выкинуть. Каждая думает, что стала для меня единственной, расколдовав ходока, или мои слова о том, что у нас будет только одна ночь, просто пафосный бред для того, чтобы затащить ее в койку.

Но нет. Все честно. По крайней мере, с моей стороны.

Фак! Кажется, я слишком долго и пристально смотрел на зад, лежащий рядом. Разглядел прыщ.

Если его выдавить, это будет считаться уходом и заботой с моей стороны?

Ай, хрен с ней! Слишком много мыслей о тёлке в моей постели, лица которой я даже не помню. Про имя, вообще, можно и не заикаться.

Замахнулся и звонко шлёпнул по оттопыренной заднице.

Вместо того, чтобы взвизгнуть или хоть как-то сделать вид, что я бессовестно разбудил её этим наглым вторжением, девчонка предпочла устроить потягушки. Перекатилась на спину, выгнулась так, что вполне могла бы коснуться затылком копчика, и сладко мне улыбнулась:

– Привет, мой чемпион, – в, якобы, сонном голосе было столько сиропа, что у меня слиплась жопа.

– Пока... как там тебя? – нахмурился я, пытаюсь по лицу определить ее имя. – А, похер. Пока, короче.

Отмахнулся от нее и опрокинулся на спину, прикрыв уставшие от солнечного света глаза сгибом локтя.

– Вяземский, ты охренел?! – заверещала девчонка и потянула с меня одеяло, походу, решив, что пришло время вспомнить о том, что я похитил её из института благородных девиц, а не снял с барной стойки. – Вообще-то, меня Анфисой зовут!

– Угу, – выдавил, силясь унять бой курантов в висках. –

А теперь можешь идти.

– Ты козел, Вяземский! – зашипела она гадюкой в мою сторону и матрас рядом со мной, наконец, ослаб от натяжения. – Урод!

Длинные ноги злобно протопали по полу где-то рядом с кроватью. Иногда она останавливалась, видимо, для того, чтобы подобрать какую-то из своих тряпок.

– Гондон! – что не оскорбление, то чих комара.

Просто «бз» мимолетное над ухом и всё. Заход на новый круг. И в этой битве она выматывала только себя, не в силах нанести мне хоть сколько-нибудь ощутимый вред.

– Я всем скажу, что ты импотент! – ворчала она как бабка.

– Говори, – усмехнулся я и перекатился на живот, подмяв под себя подушку и обняв ее. – Буду рад приятно удивить девчонок, когда ко мне выстроиться очередь из желающих проверить подлинность слуха.

– Клоун!

Теперь по квартире разносился стук каблуков.

Не девушка, а трансформер с сиськами. Откуда она взяла столько деталей своего гардероба, чтобы разбросать их по всей моей квартире? Или она уже что-то моё прихватила?

Ах, ну да...

– Если ищешь презик, то спешу тебя огорчить, – крикнул ей, не глядя. – Часть наших детишек ты проглотила, а других я утопил в унитазе.

Стук каблуков резко оборвался. Кажется, как-то так зву-

чит чей-то провалившийся план?

– Придурок! – ругнулась она где-то рядом и снова куда-то протопала.

Судя по удаленности, в этот раз – к двери.

– Стой, подожди! – приподнял я голову и даже потянулся рукой в ее сторону. – Не уходи.

Каблуки зацокали в моем направлении.

– Одумался, да? Понял, что лучше, чем я, у тебя не будет? – злорадствовала она, встав у изножья кровати со скрещенными под грудью руками.

– Да не, – поморщился и той же рукой, что тянулся к ней, потянулся к телефону, лежащему на тумбочке. – Просто хочу вызвать тебе такси. Может, так ты быстрее свалишь.

– Урод! Козёл! Придурок! – выстрелил её пулемет, в котором было лишь три вялых патрона.

– Угу, – закивал я, уже потеряв к ней интерес, так как залип в ленте инсты.

Стук каблук снова унёс от меня подальше лохматую ведьму. Дверь за ней захлопнулась: многозначительно громко.

– Я буду скучать, малыш, – прохныкал я шутливо и отбросил телефон в сторону.

При слове «малыш» мозг прострелило образом синеглазки. И затылок опять кольнуло неприятной мыслью, что малышом был назван не я, а кто-то у кого «пусть стоит, если встал».

Какого, сука, хрена?!

Это поэтому я сегодня же переспал с брюнеткой? Типа отомстил?

Пиздец, драматизирую как красна девица.

Снова завалился на спину и потер лицо ладонями. С секунду потупив в потолок, встал с кровати и отправился в душ. Через два часа тренировка. Нужно успеть привести себя в божеский вид, потому что тренер – это не батя. Тренер может заставить чистить лёд вручную скребком.

После душа и перекуса сладким чаем забросил своё тело в тачку и поехал в закат. Это не красивые титры к фильму, просто «коробка» находится в западной части города.

Бесконечный серый асфальт, такие же люди на тротуарах и цветные светофоры. Ну, и, конечно же, пробки. Гребаный час-пик. Все едут по домам, один я только сейчас решил начать день, застряв в пробке прямо напротив жандармерии, чтоб её...

Нервно барабанил по рулю, разминал шею и ждал, когда все передние машины раскидает в стороны Зевс, ебанув по ним стратегическим запасом молний.

Мазнул взглядом по зданию, в котором сейчас синеглазка, должно быть, страпонила очередного бедолагу, добывая тем самым ценные показания и повышая раскрываемость своего отдела. Или, возможно, прямо сейчас она дожевывала того звездуна, которого начала драть ровно в тот момент, как мы с батей вышли из ее кабинета.

Может, навестить её?

Раньше, чем я принял окончательное решение, руки уже без меня решили вывернуть руль в сторону парадного крыльца её богодельни.

Вовремя! Первосортная стерва, как раз, выходила из здания, с кем-то треплясь по телефону...

Выйдя из здания, Ветрова отошла чуть в сторону и, продолжая болтать с кем-то по телефону, стала топтаться на месте, иногда поглядывая себе под ноги или по сторонам.

По моей машине мазнула незаинтересованным взглядом и продолжила телефонный разговор.

Не узнала? Серьёзно?!

Такая тачка, как моя, в городе в единственном экземпляре. По области, скорее всего, тоже. Не узнать ты точно не могла. Стало быть, стерва осталась себе верна даже после окончания рабочего дня.

Что ж, поиграем...

Припарковался напротив неё, заглушил двигатель, вышел из машины и сел на капот, выжидающе глядя на красотку напротив.

Теперь-то она меня точно заметила и сто процентов – узнала. Тонкая черная бровь слегка выгнулась и в синих глазах отчетливо нарисовалось «опять этот идиот». Да нарисовалось так, что хрен сотрешь.

Ну-ну...

Высокий каблук сапога впивался в корку льда в промерзшей насквозь луже. Память беспощадно подбрасывала об-

раз, как узкая юбка облепляет точеные бедра, покачивающиеся в ритм ударов ее каблуков о деревянный пол кабинета, в котором она меня «пытала». Серое пальто было не застегнуто, являя моему взору темный пиджак и белоснежную блузку, которая не помялась за рабочий день. Я помялся, но её блузка так и осталось со стоячим воротничком.

– Хорошо, – ответила Ветрова невидимому собеседнику. Бегло посмотрела на запястье, на котором блеснули часы. – Минут через двадцать приеду... Если через аптеку, то через полчаса. Хорошо, поняла. Пока.

Через аптеку... Там до сих стоит то, что встало? Однако, могуч...

– Привет, – улыбнулся ей, слегка щурясь от закатного солнца.

– Ну, привет, – бросила она без особой радости.

– Подвезти?

– Нет, спасибо, – качнула головой и закинула плоский телефончик в сумку, которую сразу сместила на сгиб локтя и вытянула из-под ворота серого пальто водопад черных волос, спускающихся чуть ниже плеч. Застегнула пуговицы пальто и повязала пояс на узкой талии.

Охерительно.

Теперь она могла сойти за мою ровесницу, если бы не строгий взгляд прожженного мента.

– Там всё ещё стоит? – спросил я, указав многозначительным взглядом на телефон в ее сумочке.

– Что? – непонимающе заморгали синие глазки.

– Ну, ночью... Ты говорила, пусть стоит, если встал, – напомнил я ей. И нахрена я, вообще, сам об этом помню?! – Всё ещё стоит? К нему через аптеку торопишься?

Непонимание в синих глазах под нахмуренными бровями быстро сменилось на осознание.

– Ах, это? – хохотнула она и тут же поспешила стереть усмешку кончиками пальцев. Этой стерве было определено весело. – Стоит, угу. Прилёт пару раз за день, но как узнал, что я скоро приеду, сразу встал.

– Ещё бы, – фыркнул я. – Если бы я узнал, что ты ко мне едешь, у меня бы тоже встал так, что хоть парус вешай. Кстати, не хочешь ко мне домой прокатиться?

– А папа ругаться не будет? – кажется, кобра поймала меня за яйца и пустила немного яда.

– Мы ему не скажем. Но, если хочешь, я могу ему позволить, но сразу после того, как ты допросишь меня. С пристрастием и без одежды.

– Мм, – протянула она загадочно.

Каблуки застучали по асфальту, когда она неспеша подошла ко мне почти вплотную. Подняла руку и наманикюренными ноготочками прошлась по воротнику моей косухи, поправляя его.

Рефлекторно дернулся. Боль в пальцах после ее единственного прикосновения ко мне в затхлом кабинете искрами пронеслась по костяшкам.

– Ты боишься меня? – спросила она, я бы сказал, игриво.

– Хрен тебя знает. Мало ли, что еще ты можешь загнуть мне в обратную сторону.

Медленно поднялся с капота и встал рядом с ней, сразу став выше на полторы головы. Контакт глаз стерва не прервала, только неохотно убрала пальчики с воротника и перехватила сумочку в своих руках.

– Ну, так что? – снова закинул удочку, желая поймать эту непростую рыбку, которая, какого-то хрена, решила сменить гнев на милость. Хотя, при её характере, милость может аукнуться мне жгучем перцем в заднице. – Поедем ко мне или к тебе?

– А я смотрю, ты не понимаешь, когда нужно остановиться и с отказом ты тоже не знаком?

– А смысл? – повел я плечами. – Вижу же, что ты меня хочешь. Вон как сосок встал, даже через пальто пробивается.

Коснулся через ткань округлой выпуклости на ее груди и сразу сжал кулак, боясь очередной выкрутки пальцев.

– Дурак, – рассмеялась она совсем беззлобно. – Это пуговица кителя.

– Милая отговорка, – позволил себе расслабиться, поняв, что сейчас Ветрова была куда более благосклонна нежели в четыре часа утра. – Ну, так что?

– Что? – склонила она голову чуть на бок.

– Садись, прокачу.

– Сесть, я так понимаю, нужно сразу на тебя? – лукавая

улыбка коснулась ее обольстительных губ.

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, но, походу, умные женщины — моя большая слабость.

— Знаешь что? — протянула она задумчиво, бросила взгляд на наручные часы. — Сегодня я уже не могу. Как ты помнишь, меня уже ждут... — целый день помню, как долбоеб какой-то. — А вот завтра... приезжай в это же время. Можно даже минут на десять пораньше.

— Да? — округлились мои глаза. — И что же будет?

— Кое-что незабываемое, — подошла она ближе и, глядя мне в глаза, слегка прикусила нижнюю губу. То ли пряча улыбку, то ли откровенно заигрывая со мной. Таинственным шепотом добавила. — Всегда мечтала кого-нибудь поиметь в этом здании.

Охренеть! Матерая сука после полудня превращается в милую обольстительницу? Какой тыквой её оглушило?

Это интересно...

Но вместе с триумфом пришла неприятная горечь. Она такая же, как все, к кому я подкатывал. Тоже немного помалась и уже сама готова отдаться.

Как-то это разочаровательно, что ли...

Но, хотя, чего я ждал? Моя внешность вкупе с дорогой тачкой под задницей, статусом и деньгами отца всегда работают, превращая любую, даже самую неприступную крепость, в безотказную.

По крайней мере, завтрашняя ночь может стать интерес-

ной. Опыта с девушкой старше, у меня еще не было. А в этой стерве явно спрятано многообещающее пламя.

– Хорошо, Синеглазка, – кивнул я и пропустил мягкую, слегка выющуюся, прядь ее волос между пальцами, уже не боясь, что она мне их выкрутит. – Я приеду.

– Конечно приедешь, – лисья улыбка застыла в уголках её губ, когда она плавно отступила от меня.

– Тебе понравится.

– Не сомневаюсь, – ответила Ветрова, уходя прочь.

Глава 4. Ренат

Сегодня будет потрясающий вечер и такая же ночь. Сейчас разгонимся в ее кабинете, где я подробно изведаю все холмы и впадины знойной стервы, а потом отвезу ее к себе домой, сгоняю на тренировку и вернусь, чтобы продолжить самое тесное знакомство.

Припарковал машину, заглушил движок и вышел в прохладную весну, нажав кнопку на брелоке сигнализации. Приехал, как она и просила – на десять минут раньше вчерашнего времени.

Пару минут еще потомлю ее, чтобы от нетерпения была готова сама прыгнуть мне на болт. Народная мудрость гласит: чем больше женский недотрах, тем она стервознее. А Ветрова, походу, последний раз виделась с сексом еще когда вылетала из отцовских яиц.

Зашел в здание, opravил воротник косухи и сразу наткнулся на всевидящее жирное око Агапова в будке.

– А ты всё ждёшь меня? – распростер объятия, приближаясь к мужику, который сразу просканировал меня недовольным таблом.

– Вяземский, чего тебе? – проворчал он и сразу продолжил шуршать бумагами.

Смешной. Будто читать умеет.

– У меня аудиенция с твоим боссом, – поиграл бровями.

– Вали, – мотнул тот головой, и стрелочка турникета загорелась зеленым.

– И ты даже не общешься меня? А вдруг я террорист? Или свидетель Иеговы? Брошюрку хочешь?

– Вали, – сказал Агапов с нажимом, глянув на меня из-под мясистых бровей.

– Увидимся, – подмигну ему и потопал уверенным курсом до кабинета Её Величества Стервы Ветровой.

Табличка на двери её кабинета вовремя напомнила мне о звании.

Нажал на ручку и плавно открыл дверь.

– Товарищ сексуальный майор здесь поживает?

– Нет. Здесь только злой, как собака, полковник, – голос звездуна и его хмурая рожа за столом Ветровой заставили меня перестать лыбиться. – Чего тебе, Вяземский? – гаркнул он, что-то нервно записывая на листе.

– Мне Ветрову.

– Уволилась твоя Ветрова. Нет её, – ответил полковник, не поднимая на меня взгляда.

– В смысле, уволилась? – опешил и сделал несколько шагов в кабинет. – Она же вчера... это...

– Вчера это, а сегодня всё, – полкан реально был злой, как собака. – Чего тебе надо? Уволилась она, говорю. Если есть претензии, говори мне. Решим. Если нет, то не мешай работать. И без тебя жопа в мыле.

– Не могла она уволиться. Она же ещё вчера драла меня

тут с таким удовольствием, будто пожизненное впаять хотела.

– Вчера драла, а сегодня удрала. Некогда мне, Ренат. Приходи на следующей неделе.

– Батя руку приложил к её увольнению? – догнала меня мысль, которая, впрочем, и так болталась на поверхности.

– Ага, к ней, пожалуй, приложишь, – буркнул себе под нос полковник и, наконец, оторвался от бумаг. – Сама она уволилась. Давно хотела.

– Хрень какая-то, – вскинул руку и прочесал затылок, выискивая пути решения сложившейся проблемы.

Сама уволилась. С хрена ли?!

– Ренат, веришь – не веришь, но нет её. И не будет. Тобой может заняться Митрохин, если ты куда-то влип. Если влип по-крупному, то подожди, когда я освобожусь, потом решим.

– Ясно, – выплюнул озлобленно и вышел из кабинета. Достал из кармана телефон и сразу набрал номер отца. – Батя, какого хрена?!

– И тебе добрый вечер, наследничек, – выдал от насмешливо. Походу, уже накатил, празднуя увольнение моей стервы. – Что случилось? Денежки кончились? Машина надоела, новую захотел? Выкладывай, пока я добрый.

– Это ты заставил её уйти? – широкими шагами приближался к будке Агапова, который наострил уши, видя, что я не в духе и готов вот-вот кого-нибудь ёбнуть.

– Кого уйти? Откуда? Куда? – наконец, батя взял себя в

руки. – Ты про что, вообще?

– Ветрову. Она уволилась. Это твоих рук дело?

– Ветрова уволилась? – изумленно пропел батин голос. – Нихрена себе! Отличные новости, сынок! За это надо выпить.

– Ты, я смотрю, уже выпил, – рыкнул я в трубку, теряя контроль. – Нахрена ты к ней, вообще, полез?

– Не трогал я её, – что-то зашуршало, а затем зазвенело на заднем плане. Щелкнула зажигалка, глубокий вдох. Закурил. – С чего ты взял, что её уволил я?

– Ты давно на нее зуб точишь. А вчера сам сказал о том, что надеешься на то, что её уволят. Совпадение?

– Не поверишь. Но я рад, что всё так сложилось, – хохотнул батя, снова затянувшись. – А ты чего в ее заступничка решил поиграть? Сам же раньше был от нее не в восторге.

Раньше я мог быть от нее не в восторге исключительно с батиных слов, потому что до вчерашнего утра я ее не видел. По рассказам отца, мне представлялась старая фригидная стерва с сединой и плешью, а не знойная красотка с охерительными глазами и в обтягивающей юбке.

– Какая разница? – нашелся я с нейтральным ответом. Не говорить же ему, что у меня секс сорвался? – Точно не твоих рук дело?

– Точно, Ренат. Я пытался её уволить через её начальников, но у неё сверху есть покровители, которые ее с места сдвинуть не дадут. Только если выше в звездах. Так что её

увольнение – точно не моя заслуга. А только приятная для меня новость.

– Ладно, – отмахнулся от него. – Я тебя понял. Пока, батя.

– Пока, сынок, – ответил он за секунду до того, как я отключил вызов.

Крутанулся на пятках и подошел к турникету, толкнув его бедром.

– Так ты к Ветровой приходил? – напомнил о себе Агапов. – Уволилась наша Горгона.

– Теперь уже знаю. Раньше не мог предупредить?

– Так я думал, что ты к полкану нашему.

– Нахрена он мне нужен?! – поморщился и оперся локтями о стойку между нами. – Она сама уволилась?

– Конечно, – скупающе произнес Агапов, разглядывая какие-то бумаги. Рядом лежал кроссворд с разгаданными в нем двумя словами. – Месяца два бодалась с полканом. И продавila его. Такая стерва кого хочешь продавит.

То есть она еще вчера знала, что сегодня её не будет и позвала меня? Вот же сука!

Но умница. Ловко она меня... поимела.

И, блять, незабываемо же!

– Слушай, Агапов, – подался я чуть вперед и заговорщически ему улыбнулся. – А ты, случайно, не знаешь, где она живет?

– Не, парень, – качнул он головой и отложил бумаги. – Даже, если бы знал, не сказал бы. У бати своего спроси. Тот

точно должен знать. Копал под нее когда-то.

Батя... Нет, лишние вопросы и подозрения мне не нужны. Батя заебет без вазелина.

– А если за «спасибо», Агапов? – достал из кармана пяти-тысячную купюру и словно нечаянно обмахнулся ею.

Жажда наживы загорелась в жирных глазах.

– Нет, Вяземский. Не положено, – стоял он очень рыхло на своём.

– А если за «большое спасибо»? – протянул я невинно и достал вторую такую же купюру. – Тоже никак?

– Н-никак, – прочистил тот горло и с жадность облизал губы, глядя, как замороженный, на болтающиеся в моих руках купюры.

– А если за «благодарность»? – достал третью красную купюру и сложил из всех трёх веер. – Больше «благодарностей» у меня нет, Агапов. Полкану твоему предложить, что ли?

– Чтоб тебя! – ругнулся он шепотом. Залез в комп, стоящий на его столе. Потыкал пару кнопочек, поводил мышкой и записал нужную мне информацию на клочке бумаги. Запрятал его в черную папку и протянул мне. – Держи. И не свети тут деньгами.

– Понял-понял, – довольно промурлыкал я и, открыв папку, взял нужный мне листок, вложив вместо него купюры.

– Только не вздумай ей сказать, что это я дал тебе её адрес, – едва шевеля губами, проговорил Агапов, стягивая папку с купюрами себе на стол. – Эта сука вернется и перегры-

жет мне глотку.

– Ну, что ты, дружище, – улыбнулся ему широко. – Ты уже получил свою награду, а о большем ей знать не нужно.

Сложил листок в несколько раз и убрал в карман. Вышел из здания, оставив Агапова с тремя фальшивыми купюрами, которыми на вечеринке в ночь на четверг был заправлен деньгомёт.

Ему будет полезно знать, сколько стоит информация, прав на которую он не имеет. Мало ли, вдруг я маньяк какой? Сексуальный, например...

И, кажется, пора доказать этот факт одной стерве, меня кинувшей.

Глава 5. Виктория

– Ну, выпьем за то, что моя блюстителька порядка теперь вольная птичка, – Светка в очередной раз наполнила наши бокалы шампанским.

– Мы уже за это пили, – напомнила я ей смеясь. – И, по моему, дошли уже до той кондиции, когда начинают пить за любовь и что-то около этого.

– Ну, тогда за нас с вами, за хуй с ними? – вопросительно подняла подруга брови вместе с бокалом.

– Слышала бы тебя сейчас моя мама, ты бы уже полоскала рот куском хозяйственного мыла.

– Я и так в присутствии твоей мамы почти не вынимаю обмылок.

– Ты при ней просто рот стараешься не открывать.

– Так я потому и не открываю! – выпучила Света глаза. – Она же, чуть что не так расслышит, сразу начинает мне промывать и рот, и кишки. Кстати, как она отреагировала на новость о твоём увольнении?

– Разбила свою любимую супницу, – вспомнила звон осколков в абсолютной тишине, после того, как сообщила ей новость.

– Ого! Прямо специально?

– Нет. Просто я ей под руку болтнула, когда она спросила, какие планы на завтра.

– Охерительные планы, подруга. Сейчас, когда тебя никто не будет дергать среди ночи и пытаться помериться с тобой яйцами, планы на любой день должны быть охерительными.

– Считаешь, что я правильно сделала, что ушла?

Я была уверена в своем решении, но сомнения всё равно прокрадывались в мысли.

– Конечно, Викусь, – приобняла меня Светка, рискуя расплескать своё шампанское прямо мне на шорты и ничем не прикрытые ноги. – Ты же с каждым месяцем становилась всё сучилишней и сучилишней. А сейчас немного отдохнешь, недельку-две. Потом нацепишь красивое платье, хуяж-макияж и можно искать новую работу, в которой не будет такого жесткого дресс-кода и идиотов со всех сторон. Прорвемся, Викусь!

– Надеюсь, – прокрутила бокал в руке. – Только недельку-две я отдыхать не смогу. Всё-таки, с ребенком сильно не расслабишься...

– Ай! – отмахнулась от меня Светка. – Это только ты всё никак расслабиться не можешь из-за своей гиперответственности. Другие мамки – такие же одиночки, как и ты – расслабляются и ничего. Дети у дороги крошку хлеба на кланчат. У твоего Сашки есть всё, что нужно пацану его возраста: спортивные секции; гаджеты, какие только можно; одевается, как модник из журнала... Катается, как сыр в масле! Ты лучшая мать из, вообще, возможных в этом мире. Так что расслабься, Викусь. Кстати, а где Сашка? Что-то я его не

слышу.

– Ушёл к однокласснику из соседнего подъезда, домашку спросить. Неделю пропустил, всё-таки, из-за простуды. Да и надоело ему, что мы с мамой кудахчем над ним. Пусть сходит, развеется.

– Ну, и правильно, – одобрительно кивнула Светка. – Заодно не будет слышать, как мамина подружка широко раскрыла свой матюгальник. Мы пить-то будем или бокалы наполнили для того, чтобы шампусик в дланях своих погреть?

– Давай, – стукнулась краем бокала о ее бокал. – Как там? За нас с вами...

– ... За хуй с ними! – почти торжественно выкрикнула подруга. – И давай скорее, пока твоя маман не пришла вставлять мои поплывшие мозги на место.

– Она у соседки этажом выше. Какой-то турецкий сериал смотрят, серии номер... около тысячи. Так что раньше по-луночи ее можно не ждать.

– Класс! У нас еще есть два часа для лютого бухича.

– Какой там лютый бухич с двух бутылок-то шампанского? – усмехнулась я, посмотрев на одну уже опустевшую бутылку. – Ни в глазу, ни в заднице.

– Для меня, пятикапельной, это уже убойная доза, – пригубила она немного шампанского.

Я тоже немного отпила и решила навалиться на бутерброды с сёмгой. Не зря же мы их покрасивее зеленушкой украшали?

– Самое обидное, что никто даже букетика зачуханного не подарил, – вздохнула я, уставившись в стол. – Хотя все с четырех утра знали, что я последний день. Гавруша постарался раскричаться об этом на весь отдел. Только опера подарили коробку конфет и бутылку шампанского.

– Это мы их шампусик первым выпили?

– Угу.

– Надо запомнить название. Вкусненькое, покрутила она в руках пустую бутылку.

– Тебе после первого бокала всё кажется вкусненьким.

– Это да, – пропела она с довольной улыбочкой. – Куда теперь? Не думала ещё, чем себя занять?

– Не знаю, – опустила взгляд и стала неосознанно ковырять край стола. – Можно пойти куда-нибудь офисным планктоном. В банк или что-то типа того... Посмотрим.

– Иди адвокатом. Семейным. Это точно твоё, Вик, – отставила она бокал. – Как вспомню, как ты меня, наивную дуру, тогда отстояла... Если бы не ты, я бы так и продолжала верить в то, что чем больше на мне синяки, тем сильнее его любовь ко мне.

Повернулась к Светке и обняла крепко-крепко, снова увидев тот животный страх, который плескался в ее глазах, когда она пришла ко мне, чтобы забрать написанное ранее её же рукой заявление о побоях. Её бывший в ту ночь сидел за решеткой, но имел на нее такое влияние, что было достаточно одного его молчаливого взгляда, чтобы бойкая с виду

Светка стала послушной дворнягой с поджатым хвостом.

В ту же ночь я провела с ней беседу в своем кабинете и смогла убедить ее в том, что это ни разу не любовь, а сто пятнадцатая статья УК РФ.

Присел ее бывший тогда почти на год. Вышел и свалил из области, даже не пытаясь найти с ней встреч. Видимо, на зоне ему многое объяснили, либо у самогохватило мозгов, держаться от Светы подальше. Или всё дело в том, что он узнал о том, что мы стали с ней подругами с той самой ночи. Решил не связываться повторно ни с ней, ни, тем более, со мной. Ведь до меня ему всё это столько раз сходило с рук...

Светка просто не заявляла, либо заявляла, но успевала забрать заявление раньше, чем на бывшем смыкались наручники.

Хорошо, что хоть детей не успели зачать. Иначе, я бы точно не смогла убедить Светку, засадить отца своих детей за решетку. Такие дамочки склонны оправдывать своих «мужчин» любыми средствами из-за банального страха остаться одной с детьми на руках.

– Я подумаю, Светик, – погладила ее по спине, и мы обе нехотя разомкнули объятия.

– Давай, я тебе хоть маникюр подделаю, а то руки просятся, чтобы их чем-то заняли.

– Ты же мне буквально позавчера свежий сделала, – продемонстрировала подруге свои ноготочки с идеальным маникюром ее производства. – Я еще этими не налюбовалась.

– Тогда на следующей неделе, – поймала она меня на слове. – Я тебе маникюр, а ты мне масочки свои прикольные для лица.

– Договорились, – хохотнула я.

В дверь позвонили.

– Ты кого-то вызвала? – спросила Светка, глядя в дверной проем кухни. – Стриптизеров? Проститутов? Стриптизеров-проститутов?

– Я никого не вызывала, – нахмурилась. Кровь, подхваченная легкой паникой и гонимая пузырьками шампанского, зашумела в ушах. – Может, Саша ключи от квартиры забыл? Или мама...

– Давай посмотрим, – первой встала Светка и прихватила с собой пустую бутылку из-под шампанского.

– Зачем ты её взяла? – округлились мои глаза. Тоже вышла из-за стола и первой пошла в прихожую.

– Вдруг кто-нибудь особо борзый захочет, чтобы ему проломили череп. А я тут как тут со своей бутылочкой игристого, – пропела Света почти невинно.

Проходя мимо зеркала в прихожей, машинально поправила волосы, собранные в пучок на макушке. Хотя, уместнее бы сейчас было поправлять пистолет в кобуре, ибо в десять вечера добрые люди в гости не приходят.

Обхватила ручку, повернула замок и открыла дверь, нацепив маску каменной леди, которая сразу слетела и разбилась об пол, когда за порогом моей квартиры обнаружился

Вяземский-младший, стоящий в чем мать родила с неизменно нахальной улыбочкой. Если бы не пышный букет цветов, прикрывающий его «джентльмена», то я бы уже разбивала пустую бутылку об его голову.

– А ты говорила, что никто тебе букета не подарил, – хмыкнула за моей спиной Светка, которая казалась вообще невозмутимой в сложившейся ситуации. – Ну, вот же!

За секунду в голове пролетели сотни мыслей и каждая из них была посвящена тому, насколько быстро я его прикончу за подобного рода выходку.

– Пиздат как закат, да? – тем временем спросил нахал, вероятно решив, что мой ступор связан с его непревзойденной сексуальностью в момент, когда она стоит на моей лестничной площадке в одних кроссовках и яйцами, прикрытыми букетом.

– Секунду, – изобразила подобие улыбки и медленно закрыла перед его носом дверь.

Развернулась на маленьком коврикe в прихожей и врезалась в Светку, которая всё ещё обалдело смотрела туда, где был «букет». Алкоголь, гуляющий в наших организмах вместе с немолодой кровью, сделал своё дело, превратив нас в туго соображающих дам.

– Это какой-то стриптиз наоборот, да? – очнулась, наконец, Света. – То есть мы должны смотреть на то, как он будет одеваться?

– Сейчас мы будем смотреть на то, как он быстро отсю-

да убежит, сверкая задницей. Идиот чертов! – процедила сквозь стиснутые зубы, когда осознание его запредельной наглости догнало меня и ударило обухом по голове.

Рванула к своей сумочке и трясущимися от ярости и бешенства руками нашла в ней перцовый баллончик с кричащим названием «Жгучий перчик». Этому засранцу будет полезно выплакать глаза за неподобающее поведение.

Как он посмел явиться ко мне домой, да еще в таком виде?! И, вообще! Какого хрена?! Кто дал ему мой адрес? А если бы дверь открыла мама или Саша? Да я себе такое в страшном сне представить боюсь, а этот придурок, у которого в голове, похоже, нет ничего, кроме корней волос, вообще ничего не боится и плевал на любые нормы морали и этики.

– Не «калаш» и слава Богу, – Света благоразумно отошла от меня подальше и прижалась спиной к стене. – Мочи его.

Повторять дважды не нужно. Я была на таком взводе, что прямо сейчас не побрезговала бы и автоматом.

Открыла дверь и сразу встретилась взглядом с Вяземским-младшим. Морщинка между его густыми черными бровями сразу разгладилась, а к губам вновь приклеилась эта выбешивающая меня улыбка самоуверенного быка-осеменителя.

– Я уже думал, в окно к тебе постучаться.

Ухмыльнулась и, резко выкинув руку вперед, прыснула из перцового баллончика прямо в его наглую морду.

– А-а! Сука! – взревел он и, выронив букет, стал подпры-

гивать на месте, растирая глаза руками. – Твою мать!

Пока он прыгал и корчился от боли, его mudёнок, ничем теперь неприкрытый, болтался в такт его истеричным движениям.

– Ты ебанутая?! – продолжал он теперь уже не верещать, а хныкать и рычать между делом.

– Еще раз явишься ко мне домой в подобном или любом другом виде, я выйду встречать тебя с автоматом. Это было первое и последнее предупреждение, – отчеканила я строго. Без сожалений и сомнений вошла в квартиру и закрыла за собой дверь. Швырнула баллончик обратно в сумочку, замерла статуей в прихожей, до сих пор слыша, как этот придурак хныкал за дверью, костеря меня на чем свет стоит.

– Жалко парнишу. Букет красивый, дорогой, наверное, – вздохнула Светка, но поймав мой взгляд, предпочла уставиться в телефон, сделав вид, что её здесь не было и она ничего не видела.

Скрестила руки под грудью и уставилась прямо перед собой. Кровь шумела в ушах, сердце отбивало быстрый ритм резиновым молотком в висках. Осталось только помолиться о том, чтобы сейчас мама не спустилась с верхнего этажа, а сын не вернулся от друга, у которого я разрешила побыть до половины одиннадцатого.

– Голенький там. Весь в слезах, – словно невзначай Света роняла слова, продолжая что-то листать в своем телефоне.

– Замолчи. Не нужно его защищать, – рявкнула на нее,

возможно, излишне нервно.

– А я-то что? – хмыкнула подруга. – Просто говорю о том, что парниша проявил креативность. Вряд ли хоть один мужик догадается вот так преподнести букет, а тем более тебе. Тут нужны стальные коко в титановой оболочке. А у него, походу, именно такие. За букетом было плохо видно... – словно сама с собой продолжала она рассуждать. – А теперь он корчится от боли, захлебывается слезами и всё из-за того, что проявил небывалую смелость. И как после такого мужчинам быть смелыми в проявлении своих симпатий? Не понимаю...

– Этого придурка задержали ночью за хулиганство, – указала я большим пальцем на дверь за моей спиной. – А еще это сынок Вяземского, который, напомним тебе, является одной из причин моего увольнения.

– И что? – лаконично подметила Света. Алкоголь явно делал её бессмертной. – А я вижу симпатичного парнишу с красивым букетом. И срать мне на то, чей он там сынок. Папочка же за его спиной не стоял – значит, парень сам сообразил изобразить всё это.

– И что ты хочешь мне сказать?

– Ничего, – повела она плечом. – Просто мысли вслух. Пойдём допьём шампусик, а голый симпотяга пока поплачет на лесенке.

Сказав это, Светка оттолкнулась от стены и прошла по коридору в сторону кухни.

Пристально смотрела ей в спину, понимая, что её болтовня не была для меня пустым звуком. И, если бы не алкоголь в крови, то я бы сейчас вполне спокойно пошла бы вслед за ней и допила это шампанское, не заморачиваясь о том, что где-то на лестничной площадке страдает какой-то придурок.

– Чтоб вас! – рыкнула я и быстрыми шагами протопала в свою комнату, где взяла из шкафа плед и вылетела обратно в прихожую, где встретилась взглядами с ухмыляющейся Светкой. – Заткнись.

– Я молчала, – развела она руки.

– Ага. Ты и молчание несовместимы, – буркнула я.

Перехватила плед одной рукой, а другой открыла дверь, наткнувшись на голого идиота во всей его неприкрытой красе, который продолжал натирать глаза и размазывать по лицу дорожки слёз.

Над ухом щелкнула камера телефона – это Светка решила оставить себе фото на память.

– Хорош! – довольно промурлыкала она.

– Ты серьёзно сейчас? – выпучилась на нее через плечо.

– А я чё? А я ничё, – изрекла она деловито и, не стесняясь вообще ничего, как младший Вяземский, спросила. – Сколько сантиметров, парниша?

– Двадцать один, – хныкнул он.

Серьёзно? Он, наверное, из гроба привстанет, когда кто-то решит вспомнить его сантиметры.

– Я звонить Гиннессу, – спохватилась сразу Света. Косну-

лась моего плеча и добавила. — А ты, подруга, когда он кончит, не забудь сделать так... — шумно втянула носом воздух, как втягивают сопли.

— Иди отсюда! — зашипела на нее гадюкой и с облечением пронаблюдала за тем, как гадко подхихикивающая подружаня скрылась в кухне.

— Ты нормальная, нет? — продолжил тем времен ныть Вяземский.

— Я — нормальная, — расправила плед и подошла к нему, накинула ткань на плечи, от чего парень испуганно вздрогнул. — Это ты, debil, на что рассчитывал, когда шёл с голой задницей к незнакомой девушке домой?

Подтолкнула его в сторону квартиры.

— Я, между прочим, подготовил впечатляющую речь о том, что я, в отличие от тебя, человек открытый и впустую не обнадёживаю, — только когда он врезался башкой в дверной косяк, я удовлетворенно улыбнулась.

Мелочь, а приятно.

— И дальше, что произошло бы?

— А дальше ты была бы сокрушена размером моего букета и затащила бы меня в постель или трахнула бы прям на коврик у двери, — кажется, он был настолько уверен в себе, что все его слова для него были абсолютной правдой. — Куда ты меня ведешь? К гильотине?

— Почти, — бросила небрежно. Прихватила букет и закрыла за нами дверь в квартиру, пока не повылазили любопыт-

ные соседи. – В ванную: в раковине тебя утоплю и спать спокойно лягу, зная, что одним идиотом на Земле стало меньше.

– Умеешь ты принимать ухаживания, конечно, – умудрялся иронизировать этот индюк, будучи в слезах и ничего не видя.

Швырнула букет, принесенный им, на кровать в своей комнате и положила парню ладони на плечи, чтобы изменить курс его движения в сторону ванной комнаты.

Снова удовлетворенно хмыкнула, когда он опять своей бестолковкой врезался в дверной косяк.

– Я знаю, что ты делаешь это специально, – прогундосил через заложенный нос.

– Не могу отказать себе в удовольствии.

– Отказала же, когда отхерачила меня дихлофосом.

– Это перцовый баллончик.

– Твою мать! Успокоила, – рыкнул он, когда нащупал края раковина, над которой сразу навис и стал нащупывать спасительный для себя кран.

– Куда ты лезешь?! – шлепнула его по рукам.

– Ты меня сюда пытать привела или что? – кажется, кое-кто начинал злиться.

– Посмотри на меня, – обхватила его лицо ладонями и повернула к себе. Кожа вокруг глаз покраснелась и опухла, закрыв глаза так, словно его пчелы покусали. – Вода тебе не поможет.

– В смысле? Я навсегда ослеп? Глаза нахрен вытекли? Что

там, твою мать?! Говори! – а теперь злость в его голосе сменилась неподдельным страхом.

– Не ной и не ори на меня! – осадила его, нервно оттолкнув. – Сейчас промоем глаза молоком и через час станет легче. Света! – позвала я подругу, которая неожиданно затихла.

– Что такое? – крикнула та в ответ из кухни.

– Принеси, пожалуйста, молоко из холодильника.

– Сейчас, – отозвалась она и через несколько секунд вошла в ванну с пакетом молока и хитрой улыбкой в арсенале. – Держите.

– Спасибо, – выхватила пакет, подзатыльником заставила стоящего рядом амбала сложиться пополам.

Аккуратно наливала в ладонь молоко и размазывала по лицу парня.

Я уж и забыла, когда последний раз так мыла чье-то лицо. Сын уже вырос из несамостоятельного возраста.

– Кайф! – пыхтел довольно Вяземский. – Круче секса, честное слово.

– Угу, наслаждайся, – припечатала очередную пригоршню молока ему в морду.

– Ну, я пойду, наверное, – снова появилась Света в дверном проеме в этот раз уже в пальто и с сумочкой в руке.

– Ты куда? – округлились мои глаза. – Мы же только начали.

– А кончишь ты уже без моей помощи, – поиграла она бровями и многозначительно посмотрела на задницу парня,

которого я умывала.

– Света... – сузила я предупреждающе глаза.

– Всё-всё! – затанцевала она на месте. – Я ушла, меня нет.

Пока, дорогая, и еще раз поздравляю с началом новой жизни.

Всем своим видом попыталась выразить тонну непечального мата, но Света, все равно, выбежала из квартиры, хлопнув на прощание дверью.

В сердцах ответила парню подзатыльник

– Наклонись ниже. Я пытаюсь глаза тебе помыть, а не себе подмышки, – рявкнула на него и мыла его глаза до тех пор, пока молоко совсем не кончилось.

– Дальше что? – спросил он, выпрямившись, пока я аккуратно прислоняла полотенце к его лицу, чтобы не раздражать активным трением ожоги. – Сметана? Взбитые сливки?

В коридоре хлопнула дверь.

– Мне конец! – шепнула я, глядя в заплывшие глаза нахала.

– Мам, ты дома? – слышался голос сына из прихожей.

– Мам?! – выдохнул Вяземский вопросительно. – У тебя есть ребенок?!

– Заткнись! – шикнула я и накрыла его рот ладонью, лихорадочно пытаюсь сообразить, как выйти из безвыходной ситуации.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Глаза, как бешеные тараканы, бегали по кафельной стене ванной комнаты, словно там, в швах, был начертан выход из

сложившейся ситуации.

– Я в ванной, Саш. Сейчас выйду, – крикнула так, чтобы голос казался спокойным, расслабленным, чтобы никому в голову не пришло, что я прямо сейчас зажимаю ладонью рот абсолютно голому парню.

– Гмгм! Гм! – возмущенно слюнявил мне ладонь Вяземский, который больше походил на голого крота, которого каким-то образом занесло в мою нору.

– Заткнись! – шикнула я на него. Свободной рукой включила воду в раковине и прошипела. – Стой здесь, и чтобы ни звука. Я отвлеку сына. Понял?

– Угу, – после секундного замешательства кивнул парень.

Настороженно отняла ладонь от его рта, но, к счастью, парень оказался не совсем идиотом, продолжив стоять ровно так, как я его оставила и даже с закрытым самостоятельно ртом. Воду оставила включенной, чтобы был повод снова вернуться в ванную, не вызывая подозрений.

Открыла дверь ровно настолько, чтобы можно было просочиться и не засветить перед сыном незванным «голяком». Вход в ванную комнату располагался ровно напротив входной двери в квартиру, около которой снимал ботинки мой сын.

– Как сходил? – мой голос больше походи на писк.

– Нормально, – протянул Саша и чуть нахмурился, глядя на меня, как прокурор. – Это у тебя из-за шампанского такой странный голос или я тебя заразил?

– Это... – помялась на месте, заложив руки за спину, словно по ним можно было понять, что я бессовестная лгунья. – Просто шампанское было сильно холодным.

– Ну, да, – кивнул сын согласно и оставил куртку на крючке. – Тётя Света говорила, что в морозилке его держала.

– Точно-точно! – уцепилась я за спасательный круг. – Много домашней работы задали? – поймала я второй спасательный круг, когда Саша подцепил лямку своего рюкзака, с которым ходил в гости к однокласснику.

– Много. Придётся все выходные заниматься, – печать обреченности отразилась на его лице. Взъерошил свою чёлку, которая и так вечно стояла торчком и посмотрел на меня с подозрением. – Что-то ты какая-то странная. Тётя Света ушла?

– Ушла. Ей там позвонили... и, в общем...

Что я несу?! Впервые в жизни так нагло и так много вру сыну. Меня сейчас стошнит.

– А воду почему не выключила? – глянул он на дверь ванной комнаты за моей спиной.

– Я... Я там кое-какую мелочь просто стираю.

Ну, вот! Пулемет лжи запущен.

– Понятно, – чуть сузил Саша глаза. Он точно о чем-то догадывается! – Я тогда пойду к себе.

– Да-да, сынок, иди. И прими обязательно все лекарства, – выдохнула я почти с облегчением.

– Сам? – остановился он на полпути к своей комнате и

округлил глаза.

– Конечно. Ты уже почти неделю принимаешь эти лекарства. Наверняка, запомнил последовательность и количество.

– Ну, ладно. Приму.

– Только сиропа от кашля много не пей. Приду-проверю, – пришло время включить строгую мамочку и хоть сколько-нибудь мозг.

– Хорошо, – бросил он, войдя в комнату.

Метнулась в кухню, которая был слева от ванной и быстро взяла аптечку, чтобы Саша не приближался к эпицентру лжи и идиотизма, в центре которого стоял слепой и голый идиот.

– Вот, держи, – влетела в комнату сына вихрем, оставила на его рабочем столе аптечку и на выходе тоном грозной мамочки отчеканила. – Через минуту вернусь, чтобы всё принял. И температуру обязательно проверь.

– И всё за минуту? – округлились его глаза.

– Две, – показала два пальца (надеюсь, их было два) и вышла из комнаты сына, плотно прикрыв за собой дверь.

Трусой добежала до ванной, где обнаружила стоящего по стойке смирно голого «солдатика».

– Это ты? – шепнул он, пытаясь меня разглядеть.

– Это я. Заткнись, – взяла его за руку и потянул на себя к выходу. Выглянула из-за двери, чтобы убедиться в том, что сын всё ещё в своей комнате. – Значит так, – повернулась к парню, который, за каким-то чертом, почти прижимался ко

мне. Мягко оттолкнула его. – Сейчас я быстро выкидываю тебя из квартиры, и ты так же быстро валишь из подъезда. Понял?

– Куда я, блять, повалю?! – ошетинился он раздраженно. Кажется, ситуация перестала казаться забавной даже ему. – Я слепой, голый и заплаканный!

– А нечего шлаться голым, где попало! Тебя сюда никто не звал! Всё, вали и молча.

Вяземский-младший хотел было что-то ответить, но вместо слов озлобленно поджал губы и запрятал яйца вместе с «инструментом» в ладонях.

Открыла дверь ванной и потянула его за собой к выходу из квартиры.

Дело за малым: вытолкать его к чертям из квартиры и закрыть перед его носом дверь. Дальнейшее его голозадое путешествие – не моя забота.

Подвела парня к двери и, к моему ужасу, в ней щелкнул замок раньше, чем я успела поднести к нему руку.

Чёрт! Мама!

Резко остановилась, отчего Вяземский врезался в меня и приглушенно спросил:

– Что ещё?

– Моя мама, – повернулась к нему и, положив ладони на его голые теплые плечи, развернула в сторону своей комнаты, открыла в неё дверь и закинула парня внутрь, как тряпичную куклу. – Сиди тихо и не дыши вообще!

В темноте комнаты, будучи слепым, он попытался одной рукой ощупать помещение. Не знаю, что он там искал, но выглядел и странно, и забавно одновременно.

Закрыла дверь и сразу наткнулась на маму, входящую в квартиру с чрезмерно нахмуренным лицом.

– Что-то ты рана, мама, – с трудом натянула легкую улыбку. – Сериал уже кончился?

– Да, нет, – строгим взглядом прошлась она по прихожей, словно выискивая улики. – Просто мне позвонила наша соседка, Людмила, из соседней квартиры и наплела какую-то чушь про голого мужчину. Якобы он ломился к нам, потом вы со Светой что-то ему сделали, и он... Короче, ничего не поняла. Она мне полчаса мозги орошала какой-то ерундой... К нам кто-то пришёл, да?

– Я пришёл, вообще-то, – вышел Саша из своей комнаты с двумя таблетками в ладони и меланхолично прошёл в кухню, чтобы привычно запить их стаканом воды.

– Ну, старая, видимо, совсем того, – помаячила мама многозначительно рукой у своей головы и повернулась к двери, чтобы, вероятно, и очень на это надеюсь, уйти. – Я тоже подумала, что она, как обычно, сочиняет, но на всякий случай решила проверить. Вдруг, Светка твоя опять чего выкинула. Ага, Светка.

– А сейчас ты куда? – спросила я осторожно и прикусила ноготь большого пальца правой руки, начиная нервничать.

– Обратно к Марине. Я на время рекламы отошла прове-

ритель, что тут у вас, да и турецкий кофе как раз под турецкий сериал сейчас сварится.

– А, ну, тогда ладно, – выдохнула я с облегчением и даже махнула рукой уходящей маме.

– Выключи воду в ванной. Не миллионеры, – бросила она напоследок нравоучение и хлопнула дверью.

Выдохнула с колоссальным облегчением. Будто только что сдала самый сложный в жизни экзамен.

– Спокойной ночи, мам, – сказал за спиной сын, а я подпрыгнула так, словно раздался взрыв.

Я совсем забыла, что он уходил из своей комнаты в кухню, а теперь возвращается со стаканом воды.

– Спокойной, Саша, – улыбнулась сыну и поймала на себе его строгий сканирующий взгляд.

– Ты тоже, мама, поспи.

– Да, конечно, – активно закивала и с деланной легкостью прошла в ванную комнату, не забыв почти машинально взъерошить сыну густые волосы. – Споки.

– Угу, – ответил сын и вошёл в свою комнату, закрыв за собой дверь.

В ванной выключила воду, помыла раковину и выбросила пустой пакет из-под молока. Погасила свет в ванной и в кухне, и, наконец, вошла в свою комнату, где с удивлением не обнаружила ни одной голой задницы.

– И где он? – шепотом обратилась сама к себе, настороженно поглядывая на окно, которое было закрыто.

Вряд ли он осмелился бы сигануть с третьего этажа, да еще перед этим, как полагается воспитанному джентльмену, закрыл за собой окно.

– Где ты, идиот? – шепнула чуть громче.

– Я здесь, – донеслось приглушенное из шкафа.

В два шага дошла до шкафа и сдвинула в сторону створку. На дне, вероятно, со шпильками моих туфель в своей заднице сидел слепой краснорожий индюк.

– Нахрена ты сюда залез?

– Хрен тебя знает! Может, сейчас ещё муж твой явится, – огрызнулся слепыш.

– А ты раньше об этом подумать не мог? – уперла я руки в бока. – Перед тем, как голым ко мне являться, не мог в своей башке прокрутить этот вариант?

– Откуда мне было знать?! – шипел он озлобленно, думая, что смотрит на меня своими заплаканными глазами. – Кольца у тебя нет, на лбу не написано, что у тебя тут семеро по лавкам. Думал, у тебя только ебаришка какой-нибудь полудохлый есть и всё. Я, конечно, тот еще придурок, но не совсем отморозок, чтобы разбивать семьи. Повезло ещё, что я залез в шкаф, в котором, судя по запаху, только твои вещи. Сын, мама... кто ещё придёт?

Почти восхищенно застыла. Надо же! Кто бы мог подумать? Придурок, но не отморозок.

– Никто. Если только мама через час вернется от подружки из квартиры сверху.

– А муж?

– Не твоё дело, – осадила его, съезжая с темы. – Где твоя одежда?

– В машине всё.

– Ты что, придурок, голый от машины до подъезда шёл? – выпучила я глаза, чувствуя, как на затылке волосы встали дыбом от картины, которую нарисовало мне воображение за долю секунды.

– От машины я дошёл в трусах до твоей двери.

– И где они?

– Кто они?

– Трусы, блин! – зашипела я и тут же оглянулась на дверь, боясь, что Саша услышит. Хотя он сейчас, скорее всего, в наушниках привычно грает в войнушку перед сном.

– В букете. Я в них ключи от тачки завернул.

– В букете? – мои брови поползли вверх. – В твой коварный план входил пункт того, что я понюхаю букет вместе с твоими трусами?

– Дыа, – довольный собой ухмыльнулся нахал.

– Дебил, – шлепнула его ладонью по лбу и метнулась к букету разноцветных цветов, из которого выцарапала синие трусы.

– Под цвет твоих глаз, кстати, подбирал.

– Что?

– Трусы.

– Придурок, – вздохнула я безнадежно и швырнула в его

лицо его же трусы, предварительно вынув из них ключи от машины. – Надо было под цвет своих выбирать.

– Коричневые что ли? – поморщился парень, на ощупь выискивая, где у его трусов перед, а где зад.

– Красные. Ты, вообще, видел себя?

– Где я что-то увижу? Ты же мне глаза выжгла нахрен!

– Не ори на меня своим громким шепотом, понял? – ткнула в него пальцем, пока он вываливался из моего шкафа, натягивая на голый зад трусы.

– Понял, – выплюнул он озлобленно и, щелкнув напоследок резинкой натянутых на свой зад трусов, сложил руки на груди и как обиженный мальчишка отвернулся от меня.

В полумраке комнаты заметила, как его плечи покрылись мурашками.

Утипути! Кто-то замерз и обиделся?

Подошла к кровати, взяла с нее свой плед и, расправив его, накинула на плечи непозволительно высокого парня, который пугливо дрогнул и отпрянул.

– Ты чего? – попытался он разглядеть меня наполовину открытым глазом.

– Ничего. Прикройся.

Настороженно расправил плед на своих плечах и обнял себя.

Что ж, теперь и выгонять его можно. Кроссовки есть, носки с трусами тоже. Не пропадёт

– Вообще ничего не видишь? – спросила я шепотом после

минутного молчания.

– Только размытые силуэты. Глаза слезятся и до сих пор щиплет, – ответил Вяземский без свойственных ему шуточек и дурачества.

– Ясно, – прикусила нижнюю губу, прикидывая варианты его ухода. – Минут двадцать еще можешь посидеть, пока глазам станет легче, а потом свалишь и больше, чтобы и близко тебя около моего дома не проходило и не проезжало.

– Нахрен надо?! – пробубнил он в ответ. – На твоей улице собаки, поди, срать боятся. Я сюда, вообще, больше ни ногой.

– Вот и договорились, – облегченно выдохнула и прочесала свои волосы пальцами. – Можешь пока полежать на моей постели.

– А ты куда? – спросил он почти испуганно.

– В кресле посижу.

– Ладно, – произнес парень и пошёл в противоположную моей постели сторону.

– Боже, – взмолилась я потолку и поймала пацана за руку, потянув на себя. – Аккуратно. Не наступи на меня.

– Кстати, – улыбнулся он неожиданно тепло и еще более неожиданно положил ладонь второй руки мне на макушку. – Так и знал, что ты без каблуков носом мне в грудак должна утыкаться.

– Ничего я тебе не должна, – смахнула его руку со своей головы. – Заткнись и сиди тихо, иначе я снова применю бал-

лончик.

– Спасибо, что не straponчик, – иронизировал Вяземский, аккуратно укладываясь на край моей постели.

Время тянулось как жвачка, наматывающаяся на палец нимфетки. По ощущениям прошло часа полтора, по факту – пятнадцать минут.

Звуки в комнате Саши утихли. С характерной мелодией был выключен его ноутбук, и почти сразу послышалась лёгкая ругань сына. Да-да, кто-то опять сдал себя с потрохами: играть допоздна в ноут – наше недавнее табу. Раньше было позволено, но, когда сын стал просыпаться в школу и на тренировки разбитым, небольшая вседозволенность в этом вопросе сошла на нет. Теперь игры разрешена только до одиннадцати вечера, а затем и по шапке можно получить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.